

ПРОБЛЕМЫ ПРИМЕНЕНИЯ ИНСТИТУТА ИСКОВОЙ ДАВНОСТИ В КОНТЕКСТЕ РЕАЛИЗАЦИИ ЗАКОНА РЕСПУБЛИКИ АРМЕНИЯ «О КОНФИСКАЦИИ ИМУЩЕСТВА, ИМЕЮЩЕГО НЕЗАКОННОЕ ПРОИСХОЖДЕНИЕ» И ПРЕДЛАГАЕМЫЕ ПУТИ ИХ РЕШЕНИЯ

О.С. Шахназарян

*Российско-Армянский университет
Апелляционный антикоррупционный суд РА
Комиссия по вопросам этики и дисциплины Общего собрания судей Армении
hovikshahnazaryan@gmail.com
ORCID: 0009-0009-5682-9962*

АННОТАЦИЯ

В рамках настоящего исследования проанализирована проблема, связанная с применением института исковой давности в контексте статьи 8 Закона Республики Армения «О конфискации имущества, имеющего незаконное происхождение» (далее – Закон). *Актуальность* исследования обусловлена тем, что применимость данного института получила в Законе специальное нормативное закрепление, что, в свою очередь, породило неоднозначность в правоприменительной практике.

Анализ судебных актов свидетельствует о формировании принципиально различных, а порой и взаимоисключающих правовых позиций относительно содержания и пределов применения указанной нормы. В сложившихся условиях возникает объективная необходимость в комплексном научно-правовом осмыслении данной проблемы и выработке обоснованных подходов к ее разрешению, основан-

ных на сущности института исковой давности, целях и задачах Закона, а также на корректном толковании предусмотренной Законом специальной модели его реализации.

Ключевые слова: Закон Республики Армения «О конфискации имущества, имеющего незаконное происхождение», *in rem*, *in personam* (категории исков), исковая давность, изменения предмета иска путем предъявления нового требования в отношении нового имущества, Апелляционный суд и др.

Введение

Из анализа судебной практики и толкований статьи 8 Закона становится очевидным, что одной лишь формулировки данной статьи недостаточно для четкого регулирования вопроса о применимости исковой давности. Остается неясным, какое значение Закон придает сроку проведения изучения оснований возбуждения иска, каким образом этот срок соотносится с началом изучения или с самим процессом исследования, что следует считать моментом его окончания, а также насколько установленное Законом регулирование согласуется с положениями Гражданского кодекса об исковой давности. Актуальность проблемы усиливается тем, что буквальное толкование Закона может привести к выводу о неприменимости исковой давности во всех случаях предъявления новых материально-правовых требований в рамках рассматриваемого дела. Подобный подход способен нарушить право на справедливое судебное разбирательство и принцип правовой определенности, подорвать стабильность гражданского оборота. В частности, остается непонятным, для чего предусмотрена досудебная стадия изучения оснований возбуждения иска и установлены сроки ее проведения, а также в каких временных пределах в ходе рассмотрения дела может быть предъявлено новое требование о конфискации имущества, предположительно имеющего незаконное происхождение. Ответы на эти вопросы мы постарались, по возможности, кратко изложить в статье, стремясь предложить правоприменителям и иным

заинтересованным лицам еще один юридически обоснованный подход, позволяющий обеспечить объективное, полное и справедливое разрешение вопроса о применимости исковой давности, установленной Законом.

Методы исследования

Работа выполнена на основе анализа нормативных положений Закона и Гражданского кодекса, системного толкования правовых норм, обобщения судебной практики и изучения соответствующих решений Кассационного и Конституционного судов. Учитывая новизну Закона, отсутствие обширной научной литературы по теме и то обстоятельство, что аналогичное регулирование закреплено исключительно в нем, а также отсутствие на данный момент позиции Кассационного суда по рассматриваемому вопросу, для его корректного толкования были использованы также сравнительный и критический методы анализа судебных актов. Это позволило выявить наиболее обоснованные и приемлемые подходы к интерпретации Закона, принимая во внимание и ограниченный объем настоящей статьи.

Основная часть

Из положений статьи 2 Закона следует, что, если Гражданский кодекс и Гражданско-процессуальный кодекс устанавливают материально-правовые или процессуальные нормы, регулирующие соответствующие отношения, однако Закон предусматривает иное регулирование, – применяются правила, установленные Законом.

Следовательно, прежде чем обращаться к проблеме исковой давности по делам о конфискации имущества, имеющего незаконное происхождение, необходимо понять и проанализировать требования к исковой давности, вытекающие из Гражданского кодекса РА, а также определить, какая международная и внутренняя судебная практика существует в настоящее время в рамках регулирования этих отношений.

До того, как обратиться к специальному регулированию Закона, необходимо раскрыть предмет, цели и сущность института исковой давности, затем – соответствующую судебную практику. Лишь после этого можно определить, существует ли в рассматриваемых отношениях специальное регулирование, предусмотренное Законом, и каким образом в таком случае подлежат применению общие гражданско-правовые правила исковой давности – либо они вовсе исключаются.

Так, Европейский суд сформулировал следующую правовую позицию: «Суд напоминает, что пункт 1 ст. 6 Конвенции включает в себя «право на судебное разбирательство», однако это право не является абсолютным и может быть подвергнуто ограничениям, поскольку сроки давности являются общей чертой национальных правовых систем государств-участников и имеют особое значение для стабильности гражданского оборота. Они служат нескольким важным целям, в частности обеспечивают правовую определенность и окончательность, защищают потенциальную сторону защиты от устаревших требований, противостоять которым может быть сложно, и предотвращают несправедливость, которая могла бы возникнуть, если бы от судов потребовалось вынести решение по событиям, имевшим место в отдаленном прошлом, на основании доказательств, которые с течением времени могут стать ненадежными и неполными» [1].

Конституционный суд РА в решении ПКС-1611 от 28.09.2021г., обращаясь к функционально-регулятивному значению института исковой давности, констатировал, что отсутствие разумных временных ограничений для защиты нарушенных гражданских прав привело бы к нарушению прав и интересов ответчиков и третьих лиц, которые не всегда могут заранее учитывать необходимость сбора и хранения сведений и фактов, имеющих значение для рассмотрения дела. В то же время применение исковой давности защищает участников гражданского оборота от необоснованных требований и одновременно побуждает их своевременно позаботиться о реализации и защите своих прав.

Институт исковой давности своим важным функциональным значением системно связан с основами конституционного строя

Республики Армения, поскольку призван обеспечивать их гарантии и, в особенности, логику и ценности, лежащие в основе статьи 1 Конституции, статьи 10 (Гарантия собственности), статьи 11 (Экономический строй) [2].

Согласно ст. 337 Гражданского кодекса РА, течение срока исковой давности начинается со дня, когда лицо узнало или должно было узнать о нарушении своего права. Исключения из этого правила устанавливаются настоящим кодексом и иными законами.

Кассационный суд РА, анализируя указанные положения, отметил, что законодатель, закрепив общий трехлетний срок исковой давности, одновременно определил и порядок его исчисления: течение срока исковой давности начинается со дня, когда лицо узнало или должно было узнать о нарушении своего права.

При этом для обоих условий начала течения срока исковой давности законодатель использовал выражения «узнало» и «должно было узнать», буквальное толкование которых приводит к выводу, что для начала течения срока исковой давности необходимо достоверное знание истца о нарушении своего права либо наличие обстоятельств, из которых следует, что он должен был знать об этом нарушении. Таким образом, законодатель связал наступление правовых последствий начала течения срока исковой давности не с возможностью истца предположить о нарушении своего права, а с фактом достоверного знания или обязанностью знать о таком нарушении [3].

Развивая указанные позиции относительно исковой давности, Кассационный суд Республики Армения в решении по другому гражданскому делу отметил, что из анализа пункта 1 ст. 337 Гражданского кодекса следует: законодатель связал начало течения срока исковой давности не с моментом нарушения права, а с днем, когда лицо узнало или должно было узнать о его нарушении. Такое регулирование основано на логике, согласно которой лицо, не знавшее о нарушении своего права, объективно не может приступить к его защите, в том числе путем предъявления иска. При этом для обоих условий начала течения срока исковой давности законодатель использовал выражения «узнало»

и «должно было узнать», буквальное толкование которых приводит к выводу, что для начала течения срока исковой давности необходимо, чтобы истец достоверно знал или должен был знать о нарушении своего права. Следовательно, использованное законодателем в пункте 1 ст. 337 Гражданского кодекса РА выражение «должно было узнать о нарушении своего права» не должно ошибочно толковаться так, что течение срока исковой давности может начаться со дня, когда у истца появилась возможность предположить о нарушении своего права. Напротив – формулировкой «должно было узнать», как и формулировкой «узнало», законодатель подчеркнул в вопросе начала течения исковой давности обстоятельство достоверного знания истцом о нарушении своего права. Законодатель связал правовое последствие начала течения срока исковой давности не с возможностью истца предположить о нарушении своего права, а с фактом достоверного знания о нарушении.

Одновременно Кассационный суд РА счел необходимым подчеркнуть, что приведенный выше вывод вовсе не означает, что истец при предъявлении иска с денежным требованием должен обладать всей полнотой сведений, обосновывающих его требование, и всеми подтверждающими их доказательствами. Срок исковой давности начинается исчисляться с того дня, когда заинтересованное лицо будет располагать необходимыми и достаточными сведениями для надлежащего предъявления иска в суд [4].

Указанные толкования применимы к гражданским делам, в том числе возбужденным на основании исков о защите государственных интересов, при рассмотрении которых отсутствует специальное нормативное регулирование по исковой давности, то есть применяются исключительно нормы Гражданского кодекса, регулирующие отношения исковой давности.

Между тем Законом установлены иные нормы, существенно отличающиеся от отдельных положений Гражданского кодекса, вследствие чего приведенные выше толкования утрачивают свое значение. Это обусловлено тем, что Закон предусматривает совершенно иной

порядок определения начала и окончания течения срока исковой давности.

Так, согласно статье 8 Закона:

1. Изучение оснований возбуждения иска может длиться не более трех лет.
2. Иск, предъявленный с нарушением сроков, предусмотренных настоящей статьей, считается предъявленным с пропуском срока исковой давности.

В правовых позициях, изложенных в решении Апелляционного антикоррупционного суда от 15.07.2024г. по делу № АКС/0237/02/23, суд указал, что Закон «О конфискации имущества, имеющего незаконное происхождение» придает первостепенное значение не логике общих правил исковой давности, установленных, в том числе, гражданским законодательством Республики Армения, а моменту начала изучения оснований возбуждения иска и предшествующему ему периоду [5].

Кроме того, по оценке Апелляционного суда, исходя из логической связи положений ст. 8 Закона и сопоставления их буквального содержания, законодатель, с одной стороны, придал значение соблюдению максимального срока проведения изучения оснований, а с другой – связал правовые последствия не с самим процессом исследования в пределах этого срока, а с моментом предъявления искового заявления в суд. Следовательно, пропуск срока исковой давности в рассматриваемых нормах следует связывать именно с предъявлением иска в суд, а не с соблюдением максимального срока изучения оснований. Такое толкование соответствует цели установления данного правила.

Согласно части 3 ст. 20 Закона «О конфискации имущества, имеющего незаконное происхождение», истец вправе исковым заявлением либо путем изменения предмета и (или) основания иска в порядке, предусмотренном Гражданским процессуальным кодексом РА, предъявить любое иное требование, связанное с требованием о конфискации имущества, имеющего незаконное происхождение. В частности, могут быть заявлены требования о применении последствий

ничтожности сделки, признании оспоримой сделки недействительной, применении последствий ее недействительности, а также оспорены договоры, имеющие значение для требования о конфискации имущества, имеющего незаконное происхождение. На требования, предусмотренные настоящей частью, не распространяются сроки исковой давности, установленные Гражданским кодексом РА или иными законами.

При обсуждении особенностей проявления иска *in rem* в Законе «О конфискации имущества, имеющего незаконное происхождение» уже было установлено, что сопоставительный анализ различных положений Закона показывает: законодатель в производстве по конфискации имущества, имеющего незаконное происхождение, придает значение прежде всего факту наличия либо отсутствия такого имущества, его выявлению и последующей конфискации. Следовательно, указанные особенности также должны быть учтены при раскрытии характера исковой давности, установленной в рассматриваемой статье.

Сопоставляя данное правило специального регулирования Закона с гражданско-правовыми нормами об исковой давности и с признаками, присущими этому институту в целом, Апелляционный суд в указанном решении констатировал следующее:

1. Правило исковой давности, установленное частью 2 ст. 8 Закона «О конфискации имущества, имеющего незаконное происхождение», является специальным правилом, определяющим срок исковой давности и порядок его исчисления содержательно отличается от сроков исковой давности и порядка их исчисления, установленных Гражданским кодексом РА. Указанный срок является сроком исковой давности, однако имеет свое самостоятельное содержание.

2. Срок исковой давности, установленный частью 2 ст. 8 Закона Республики Армения «О конфискации имущества, имеющего незаконное происхождение», определен исходя из общей логики Закона и целей производства о конфискации имущества, имеющего незаконное происхождение, и направлен на подачу в указанный срок искового заявления о конфискации такого имущества.

3. Срок исковой давности, установленный частью 2 ст. 8 Закона «О конфискации имущества, имеющего незаконное происхождение», считается пропущенным, если уполномоченный орган подаст исковое заявление о конфискации конкретного имущества, имеющего незаконное происхождение, с нарушением трехлетнего срока. Если же в пределах указанного срока предъявлен иск о конфискации конкретного имущества, имеющего незаконное происхождение, часть 2 ст. 8 Закона не применима.

Сегодня в судебной практике за основу принят подход, согласно которому срок исковой давности, установленный статьей 8 Закона, исчисляется с момента начала изучения оснований и завершается моментом подачи искового заявления в суд.

Следовательно, можно констатировать, что во всех случаях, когда исковое заявление подается по истечении трех лет с момента начала изучения оснований, – независимо от момента окончания этого изучения в смысле Закона – иск считается предъявленным с пропуском срока исковой давности в соответствии со специальным правилом ст. 8 Закона, со всеми вытекающими отрицательными правовыми последствиями. По данному вопросу правовая позиция Кассационного суда отсутствует, и в настоящее время действует положение, сформированное практикой и закрепленное вступившим в законную силу судебным актом Апелляционного антикоррупционного суда.

Между тем сложившаяся практика не отвечает на вопрос о том, как следует поступать в ситуации, когда требование в отношении имущества предъявляется не первоначальным иском заявлением, а путем изменения основания и (или) предмета иска в порядке ст. 170 Гражданского процессуального кодекса в ходе рассмотрения дела. В результате такого изменения может быть заявлено требование о конфискации нового имущества, иногда – в отношении совершенно нового ответчика. При этом новое имущество, рассматриваемое как предположительно имеющее незаконное происхождение и включаемое в иск посредством его уточнения или изменения, ранее в ходе изучения оснований либо признавалось законным (в зависимости от оценки

уполномоченного органа), либо не получало какой-либо квалификации, либо вовсе не изучалось.

Армянская модель Закона по существу заимствовала одновременно элементы нескольких подходов: классической модели *in rem* конфискации и модели неосновательного обогащения – формируя тем самым смешанную, особую конструкцию, обладающую собственными особенностями – в частности то, что рассмотрение таких дел осуществляется в порядке, установленном Гражданским процессуальным кодексом РА [6].

Помимо требования об установлении статуса незаконности имущества, смешанные элементы указанных моделей реализуются в применении Закона через предъявление иска *in personam*. Это обусловлено тем, что требования Гражданского процессуального кодекса Республики Армения к субъектному составу лиц, участвующих в деле, – в частности, необходимость, а в ряде случаев и обязательность привлечения заинтересованных лиц – требуют обеспечить процессуальную вовлеченность определенных субъектов в иск о конфискации имущества, имеющего незаконное происхождение. Аналогичный подход применяется и в случаях предъявления требований о взыскании с лица денежной суммы в размере рыночной стоимости имущества, имеющего незаконное происхождение, когда фактическая конфискация такого имущества невозможна [7].

С учетом содержательного смысла предъявляемого по Закону иска – наряду со всеми признаками модели *in rem* конфискации, а также с учетом важности целей Закона и необходимости его применения в соответствии с духом Закона, следует отметить, что из логики статьи 8 вытекает следующее: привлечение ответчика в ходе рассмотрения дела, если при этом не дополняется требование о конфискации нового имущества, то есть осуществляется исключительно предъявление иска *in personam*, само по себе не образует основания для применения исковой давности.

В основу приведенного выше вывода положены и следующие соображения.

Применение исковой давности в отношении нового ответчика при его привлечении по гражданскому делу вытекает из регулирования исковой давности, установленного Гражданским кодексом РФ. Такое применение исковой давности не противоречит целям статьи 173 Гражданского процессуального кодекса, ни принципу диспозитивности, поскольку ни право истца на привлечение нового ответчика, ни принцип диспозитивности не предполагают и не могут предполагать, что в результате реализации процессуального права в рамках уже возбужденного дела истец приобретает привилегию, не соответствующую сущности этого права. Однако указанные доводы и рассуждения применимы исключительно к правилам исковой давности, установленным Гражданским кодексом, и к случаям привлечения нового ответчика в их рамках. В ситуации же применения статьи 8 Закона эти правила и соответствующие толкования неприменимы.

Апелляционный суд в решении, вступившем в законную силу 08.05.2025г. по делу № АКС/0110/02/24, пришел к выводу, что ст. 8 Закона «О конфискации имущества, имеющего незаконное происхождение» не регулирует указанные вопросы, соответственно, в рамках производства о конфискации имущества, имеющего незаконное происхождение, применение только ст. 8 указанного Закона не дает суду достаточно правовых оснований для отказа в иске по мотиву пропуска срока исковой давности [8].

Полагаем, что исключение применения института исковой давности в отношении каждого из требований, установленных статьей 170 Гражданского процессуального кодекса – с учетом того обстоятельства, что дополняемое требование может относиться как к ранее не изученному имуществу, так и к имуществу, признанному на стадии рассмотрения законным – приводит к нарушению правовой определенности, права на справедливое судебное разбирательство и подрывает стабильность гражданских отношений. Поэтому, в зависимости от фактических обстоятельств дела, суды должны применять правило статьи 8 Закона в отношении каждого дополненного требования не в исключаяющем, а в позитивном смысле, но с учетом существенных фактов конкретного дела.

Правомерность указанного вывода подтверждается следующими соображениями:

1. Законодатель связал ограничение распространения срока исковой давности исключительно с требованиями, связанными с основным требованием о конфискации имущества, имеющего незаконное происхождение. Это означает, что правило части 3 ст. 20 Закона о неприменении сроков давности к иным требованиям, взаимосвязанным с имуществом, имеющим незаконное происхождение, не распространяется на основное требование о конфискации такого имущества. В отношении основного требования действует лишь ограничение, установленное статьей 8 Закона, – о возможности предъявления иска с пропуском срока исковой давности. То есть законодатель в любом случае Законом установил возможность применения отрицательных последствий исковой давности в отношении основного требования о конфискации имущества, имеющего незаконное происхождение. Иными словами, в отличие от связанных с этим требованием дополнительных требований (часть 3 ст. 20 Закона), возможность применения исковой давности в отношении основного требования, вытекающего из Закона, по сути, Законом не исключена.

2. Закон использует не просто термин «с пропуском срока», а именно термин «с пропуском срока исковой давности», тем самым подчеркивая содержание института исковой давности и вытекающие из него отрицательные правовые последствия. Следовательно, если бы целью законодателя было полное исключение применения исковой давности к требованию о конфискации имущества, имеющего незаконное происхождение, то статья 8 Закона не содержала бы подобного регулирования. Либо, по аналогии со статьей 344 Гражданского кодекса РА и части 3 ст. 20 Закона, было бы прямо установлено, что на данное требование исковая давность не распространяется или что на это требование не распространяются сроки исковой давности, предусмотренные Гражданским кодексом Республики Армения или иными законами.

3. Если считать, что ст. 8 Закона применима лишь к случаям подачи первоначального искового заявления, то материально-правовые требования, дополняемые в суде после подачи искового заявления в порядке ст. 170 Гражданского процессуального кодекса РА, фактически выпадают из сферы действия отрицательных последствий исковой давности (при таком толковании не исключено, что все требования с истекшей исковой давностью будут предъявляться путем дополнения иска – в обход отрицательных последствий этого института. Например, в ходе изучения оснований будет обнаружено одно имущество стоимостью свыше 50 млн, тогда как исследование остального имущества не проводится, и требования по нему дополняются уже в ходе судебного разбирательства, что обесценивает цель и значение стадии изучения оснований; либо в срок изучения ничего не будет сделано (не будет проявлена должная старательность), а затем посредством изменения предмета и основания иска заявляются новые требования, в том числе в отношении имущества, которое вовсе не изучалось). Это происходит в условиях, когда, помимо части 3 ст. 20 Закона, никаким иным регулированием Закон не предусмотрел правила исключения таких отрицательных последствий – обеспечивая статье 8 Закона не «мертворожденную», а целевую и практическую применимость.

4. Если правило ст. 8 Закона признать неприменимым к требованию, предъявленному путем дополнения предмета иска в отношении нового имущества, то получается, что эта статья на практике может вовсе не послужить своей цели, в определенной мере придавая изучению оснований формальный характер. Такое толкование обесценивает как вышеупомянутые цели временного ограничения изучения оснований, так и создает возможность длительное время после истечения трехлетнего срока изучения предъявлять требования в отношении имущества, правовую неопределенность и возможность злоупотребления правом, полностью лишает лицо возможности пользоваться гарантиями института исковой давности – создавая, с одной стороны, абсолютную неопределенность и непредсказуемость для лица в связи с возможными притязаниями государства на его имущество в течение

длительного времени, а с другой – не связывая государство сроком давности, наделяет его неограниченным во временном отношении усмотрением (временные ограничения, установленные процессуальным законодательством, имеют совсем иную цель и не решают этой проблемы). При этом не обеспечивается надлежащая процессуальная состязательность, необходимая для защиты прав частных лиц на равных с государством условиях, и в указанный период государство наделяется чрезмерно широким временным усмотрением и возможностью обхода изучения оснований – без эффективного средства борьбы с этим у правообладателей имущества, каковым в данном случае и является институт исковой давности.

5. Изменением Закона срок изучения оснований был продлен до трех лет [9]. Тем самым законодатель еще раз подчеркнул значение периода изучения. Это означает, что законодатель, учитывая также отрицательные последствия, предусмотренные частью 2 ст. 8 Закона, пришел к выводу, что без увеличения продолжительности этого срока невозможно будет избежать отрицательных последствий исковой давности – тем самым признавая важность соблюдения этого срока и все вытекающие из него отрицательные последствия исковой давности. В противном случае, если бы законодатель считал, что путем дополнения иска можно обойти период изучения оснований, то действия, упомянутые в обоснованиях изменения Закона и совершаемые в ходе этого изучения, могли бы совершаться в ходе рассмотрения дела. Более того, посредством этого изменения законодатель еще раз подчеркнул то обстоятельство, что исковое заявление может быть подано в отношении изученного имущества, имеющего незаконное происхождение, и по результатам окончательного обобщения изучения истец должен определить предмет своего иска.

6. Изменение предмета иска не может рассматриваться как продолжение уже завершеного изучения оснований, поскольку если на практике этот срок толкуется так, что он включает в себя период до момента подачи искового заявления – независимо от окончания изучения, то по той же логике этот срок должен включать и предъявление нового требования о конфискации нового имущества – независимо от

продолжения изучения. То есть продолжается не изучение, а продолжает течь срок исковой давности.

7. Наконец, Конституционный суд своим решением ПКС-1776 от 16.04.2025г. направил законодателю четкий сигнал, что неустановление срока давности по существу проблематично. В частности, в пункте 169 этого решения подчеркнуто, что не решается проблема того, спустя какое время с момента вступления Закона в силу имущество должностного лица еще может подлежать конфискации в смысле Закона. Отсутствие подобной временной давности параллельно течению времени после вступления Закона в силу таит в себе опасность формирования неопределенности для конкретного лица в отношении состава его имущества, ... и чем больше времени истекает, тем более ощутимыми для лица становятся последствия, вытекающие из неопределенности в отношении его имущества. Следовательно, это обстоятельство – само по себе недостаточное для вывода о противоречии соответствующего положения Закона Конституции, однако должно немедленно оказаться в центре внимания законодателя [10].

Фактически Конституционный суд во всяком случае счел проблематичным отсутствие – в отношении имущества, приобретенного после вступления Закона в силу, – таких регулирований давности, которые установили бы максимально возможный и разумный срок, по истечении которого должна действовать давность применения предусмотренных Законом процедур в отношении данного имущества.

Идея, выдвинутая в этом отношении решением Конституционного суда, частично применима и к обсуждаемому нами вопросу применения исковой давности, позволяя в определенной мере понять конституционно-правовое содержание нормы и толковать ее в соответствии с ним. Следовательно, конституционно-правовое толкование правила об отрицательных последствиях применения давности, установленного статьей 8 Закона и обусловленного началом и окончанием изучения оснований возбуждения иска, заключается не в применении буквального и узкого толкования этого правила, но должно иметь

целевое значение, согласующееся с правом лица на справедливое судебное разбирательство и правовой определенностью. Поэтому положения этой статьи должны толковаться не только как условие, в определенной мере ограничивающее по сроку право уполномоченного органа конфискации имущества, имеющего незаконное происхождение, на подачу искового заявления, но и как условие, в определенной мере ограничивающее по сроку дополнение иска впоследствии новым требованием о конфискации нового имущества, имеющего незаконное происхождение.

8. Ко всем случаям дополнения искового заявления после его подачи о требовании конфискации имущества, имеющего незаконное происхождение, – на основании ст. 170 Гражданского процессуального кодекса РА – новым требованием в отношении имущества, фактически исследованного или фактически не исследованного, не включенного в состав имущества, принадлежащего лицу, но реально существующего в объективной действительности, применимы положения статьи 8 Закона. При этом следует констатировать, что подобное дополнение искового заявления считается предъявлением нового искового требования (по содержанию, по существу, нового иска) в рамках уже предъявленного иска, которое должно было быть предъявлено после принятия решения о начале изучения оснований и до момента подачи искового заявления в Суд либо после этого – в ходе рассмотрения дела, но в течение трех лет с момента начала изучения (например, исковое заявление было подано в течение двух лет, и в течение года предъявляется дополнение предмета иска – независимо от наличия такой правовой возможности, с учетом того, что разрешение этого вопроса находится за рамками поданной по настоящему делу жалобы).

То есть в случае дополнения искового заявления впоследствии иным – новым требованием о конфискации нового имущества – трехлетний срок, установленный ст. 8 Закона, должен исчисляться с момента начала изучения оснований и до момента подачи ходатайства о дополнении предмета иска.

9. Если в срок, установленный частью 1 ст. 8 Закона, в суд подано исковое заявление о конфискации имущества, имеющего незаконное происхождение, в котором предъявлено требование в отношении конкретного имущества, квалифицированного как незаконное, то независимо от того, как впоследствии посредством дополнения иска преобразуется это требование в отношении данного имущества – истребуется ли само имущество в натуре или его рыночная стоимость, – следует считать, что срок исковой давности не пропущен. Поскольку произошедшее представляет собой лишь видоизменение, осуществленное посредством уточнения уже предъявленного исковым заявлением требования о конфискации имущества, имеющего незаконное происхождение, вытекающего из регулирований частей 4, 4.1 или 5 ст. 20 Закона, и в результате не предъявляется требование в отношении нового имущества, а предъявляется требование в отношении уже квалифицированного как незаконного имущества – но в иной формулировке в смысле Закона, что укладывается в логику *in rem* иска. Так как уполномоченный орган, в зависимости от обстоятельств, выяснившихся в ходе рассмотрения дела, может изменить свое требование в отношении того же имущества – приведя его в соответствие с фактическими обстоятельствами, имеющимися в деле, и особенностями процессуального порядка рассмотрения дела. И тем самым сущность уже давно предъявленного требования в отношении этого имущества – в смысле *in rem* иска – не изменяется.

10. Если по имуществу исковым заявлением вообще не было предъявлено какое-либо материально-правовое требование, вытекающее из Закона, и фактически до подачи ходатайства о дополнении предмета иска по этому имуществу, принадлежащему лицу, рассмотрение дела не осуществлялось, то следует констатировать: дополнительное требование, предъявленное впоследствии в порядке, установленном статьей 170 Гражданского процессуального кодекса РФ, в отношении имущества, не включенного в предмет иска, должно считаться предъявлением нового материально-правового искового требования в отношении нового имущества – со всеми его последствиями. И

поскольку требование ст. 8 Закона применимо также к дополненному предметом иска требованию о конфискации нового имущества, мы можем прийти к выводу, что в отношении дополненного требования о конфискации имущества, не включенного в исковое заявление, применимы отрицательные последствия исковой давности, предусмотренные частью 2 ст. 8 Закона.

В заключение считаем необходимым подчеркнуть, что исследования показали: в настоящее время Апелляционным судом приняты противоречащие друг другу судебные акты, а в ряде случаев имеются и особые мнения. Это создает благоприятную возможность для Кассационного суда принять в производство предъявленную в условиях этих двух противоречивых позиций жалобу и в рамках своей прецедентной миссии выразить окончательную позицию по вопросу о том, должно ли в конце концов установленное частью 1 ст. 8 Закона временное ограничение в отношении нового требования, предъявленного путем дополнения иска в отношении совершенно нового имущества, в смысле части 2 той же статьи приводить к наступлению отрицательных последствий исковой давности по этому требованию или нет.

ЛИТЕРАТУРА

1. Mutatis Mutandis, Stubbings and Others v. the United Kingdom, 22 October 1996, §§ 50–51, Reports of Judgments and Decisions 1996-IV.
2. Решение Конституционного суда РА № СДО-1611 от 28.09.2021 года.
3. Решение Кассационного суда РА от 02.04.2010 года по гражданскому делу № ЕЭД/0723/02/09.
4. Решение Кассационного суда РА от 04.06.2019 года по гражданскому делу № ЕАКД/4524/02/15.
5. Решение Апелляционного антикоррупционного суда от 15.07.2024 года по антикоррупционному гражданскому делу № АКД/0237/02/23.
6. *Торосян Г., Заргарян А., Шахназарян О., Каско В., Оганнисян В.* «Производство о конфискации имущества, имеющего незаконное происхождение, как дифференцированная форма гражданского судопроизводства», Ч.1, Ер., 2023. С. 17.

7. Там же. СС. 17–18.
8. Решение Апелляционного антикоррупционного суда от 08.05.2025 года по антикоррупционному гражданскому делу № АКД/0110/02/24.
9. О внесении изменений и дополнений в Закон РА «О конфискации имущества, имеющего незаконное происхождение», ЗР-270-Н, 9 июня 2022г., Ереван.
10. Решение Конституционного суда РА № СДО-1776 от 16.04.2025 года.

REFERENCES

1. Mutatis Mutandis, Stubbings and Others v. the United Kingdom, 22 October 1996, §§ 50–51, Reports of Judgments and Decisions 1996-IV
2. Decision of the Constitutional Court of the Republic of Armenia No. SDO-1611 dated 28.09.2021
3. Decision of the Cassation Court of the Republic of Armenia dated 02.04.2010 on civil case No. EED/0723/02/09.
4. Decision of the Cassation Court of the Republic of Armenia dated 04.06.2019 on civil case No. EAKD/4524/02/15.
5. Decision of the Anti-Corruption Court of Appeal dated 15.07.2024 on anti-corruption civil case No. AKD/0237/02/23.
6. *Torosyan G., Zargaryan A., Shahnazaryan O., Kasko V., Hovhannisyan V.* Proceedings for the confiscation of property of illegal origin as a differentiated form of civil proceedings, Part 1, Yer., 2023. P. 17.
7. Ibid. PP. 17–18.
8. Decision of the Anti-Corruption Court of Appeal dated 08.05.2025, in anti-corruption civil case No. AKD/0110/02/24.
9. On Amendments and Additions to the RA Law “On Confiscation of Property of Illegal Origin”, ZR-270-N, June 9, 2022, Yer.
10. Decision of the Constitutional Court of the Republic of Armenia No. SDO-1776 dated 16.04.2025.

**PROBLEMS ARISING AND PROPOSED SOLUTIONS REGARDING
THE APPLICATION OF THE STATUTE OF LIMITATIONS UNDER
THE IMPLEMENTATION OF THE RA LAW “ON THE
CONFISCATION OF PROPERTY OF ILLEGAL ORIGIN”**

H. Shahnazaryan

*Russian-Amenian University,
Anti-Corruption Court of Appeal,
Ethics and Disciplinary Committee of the General Assembly of Judges*

ABSTRACT

This study examines the issue of the statute of limitations in the context of the application of Article 8 of the RA Law “On the Confiscation of Property of Illegal Origin” (hereinafter also referred to as the Law). The applicability of this legal institution is specifically regulated within the Law; however, judicial practice reveals the existence of markedly divergent and, at times, mutually conflicting legal positions regarding the interpretation and scope of this provision. Under these circumstances, the issue becomes particularly relevant and necessitates the development of well-founded legal solutions, based on a thorough understanding of the institution of the statute of limitations, the objectives of the Law, and the correct interpretation of the special modalities of this institution as provided for therein.

Keywords: RA Law “On the Confiscation of Property of Illegal Origin”, in rem, in personam (types of claims), statute of limitations, modification of the subject of the claim by submitting a new claim in respect of newly identified property, Court of Appeal and others.